

Турсынбай Жандаулет

Новый человек на старой планете

Турсынбай Жандаулет

Новый человек на старой планете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9806496

ISBN 9785447409371

Аннотация

21-й век избавил человека от тяжелой работы. Но появилась другая напасть: человек стал выставочным товаром – он должен быть красивым, подтянутым, спортивным. От внешности зависит многое – начиная от любовных походов, создания семьи... и заканчивая карьерными амбициями. Может ли дряхлый старик превратиться в молодого парня? А старая женщина в красивую обаятельную молодуху? Как можно жить абсолютно не имея денег? В книге «И ты получишь миллион» идет речь именно об этих вещах.

Новый человек на старой планете

Турсынбай Жандаулет

© Турсынбай Жандаулет, 2018

ISBN 978-5-4474-0937-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Солнце стояло в зените, было жарко. Меня разморило так, что было лень даже двигаться. Я шел как во сне, Кларисс шла впереди вдалеке. Как всегда мозг был перегружен всякими бесполезными, назойливыми мыслишками. Я скорее умру от наплыва разных мыслей, которые днем и ночью роятся, копошатся как тараканы, в моей бедной голове, чем от нездоровья или чегонибудь еще... Вспоминая вчерашнюю ночь, я бормотал:

Блуждает в потемках сознание,
Не найдя искомый серебряный нить.
Не обнаруживая изначальное знание
Чтоб не усомнится подлинности бытия,
И чтоб в рамках дозволенного жить,

И чтоб не заплутать в лабиринтах чугунного литья,
Как попавший в сети условностей неофит.

И мыслям, и сомнениям нет конца, нет края,
Треплет застарелые чувства дальний ветер играя.

В захудалом ветренном вечере позднего мая,

Я очнулся в недрах необъятных гор и долин,

В дебрях невычисляемых главных кривизн.

Не зная ни правил,

ни обрядов неведомого мне края,

Попал в странный спектакль под названием жизнь.

(Турсынбай Жандаулет. Из сборника «Богатство буду-

щих»)

Кто-то бубнил над моим ухом: «как только предоставили человеку возможность по своему усмотрению менять тело, тут же пошли бесконечные эксперименты». Ньюмэны с каким то остервенением начали менять свое тело. Быть красивым и молодым хорошо, но и это в конце концов надоедает.

Я видел бесконечные эксперименты ньюмэнов над своими телами. В Саргоне я видел человека с пятью руками. Хотя как он управлялся всем этим хозяйством, я не знаю. В Бессарабии встретил четырехногого субъекта. А, людей с тремя глазами, я увидел много раз. Третий глаз у многих обычно располагался над переносицей: по преданиям подразумевалось именно такое расположение. Но, один хохмач, расположил свой третий глаз на подбородке. А бесчисленные вари-

ации расположения ушей, мне даже не хочется вспоминать. Как вам большое ухо-антенна на макушке? Видел я и трех, четырехухих типов, людей с двумя, тремя носами, расположенными на самых неожиданных участках тела.

Многие эксперименты над телом выглядели ужасно отвратительными. Когда я видел таких «красавчиков» всегда думал, а надо было дать человеку возможность изменить свое тело по своему усмотрению?

Воспоминания как марево, как неясная кинокартина плыли перед моим взором. Вот, он низкорослый, толстый, рыхлый старик с огромной копной как будто немых, седых, кудрявых волос. Злой от постоянного недосыпа, вечно хмурый, молчаливый. Этот старик – я. Десять лет назад я был именно таким. Звали меня – Жан Даулет. В те времена я был профессором социологий Восточного Университета. При всей внешней респектабельности, я был на грани жизни и смерти.

Что нужно для человеческого счастья – деньги? А, ведь я был обеспеченным, даже богатым человеком. Может быть семья? Так, у меня семья была, правда номинальная, чем настоящая – жена, которая давно со мной не живет, не интересуется мною, дочь, где то на другом конце света. Что нужно чтоб человек был счастлив? Может слава, почет, хорошая должность? И с этим вроде неплохо. Я еще молодым опубликовал ряд своих монографии посвященных в основном проблемам социологии. Десять лет назад я уже был известным,

даже видным ученым. Так как я был трудолюбивым человеком, к старости уже опубликовал много книг, написал уйму статей. Писал еще романы и стихи. Но, они особого успеха у публики не имели. Я был профессором социологий, преподавал в университете. Студенты с интересом слушали мои лекции. Вообще, что такое счастье? Помню дочка у меня была маленькая. Я с искренней радостью играл с ней, слушал с упоением ее детский непонятный лепет. Целовал, обнимал. Она тоже с радостью тянулась ко мне. Был ли я счастлив тогда? Был молодым, карьера неплохо складывалась. Жена еще относилась ко мне хорошо. Могу ли сказать, что это были счастливые времена, не знаю...

Тогда счастье может быть то появляющееся, то исчезающее чувство или состояние. Иные годы ты счастлив, другие годы просто серые, потом грядет тяжелый мрачный период.

Со стороны все было респектабельно, я жил в центре Парижа, в большом, с высоченными потолками старинном доме. У меня была многокомнатная, огромная квартира, престижная, высокооплачиваемая работа. На самом деле я жил тяжелой, мрачной жизнью, кошмарные бессонные ночи, жуткие, бесконечно тянущиеся дни. Я много болел, организм разрушался, возможно, я не хотел жить.

Согласно учению эзотериков душа человека много, даже тысячи раз заново рождается. Почему-то снова и снова приходит в эту земную жуть, в этот страшный спектакль жизни. Для чего? Набраться опыта? Зачем столько жизней под-

ряд жить ради какого-то опыта в этой грешной, многострадальной планете? Понятия не имею. Мы много раз в прошлых жизнях убивали друг друга, и нас тоже много раз убили. И эта чехарда продолжается до сих пор. Так вот, думаю, моя душа устала, возненавидела то тело, в которое в то время я был облечен, и готовилась опять уйти в иной, более совершенный мир. Так ли? Не знаю... Но помню жуткие боли во всем теле.

Смерть – избавление... Смерть – любовь. Смерть – продолжение жизни. Жизнь... после жизни.

67 лет я чувствовал впереди только мрак, ничего хорошего от будущего не ожидал. Когда умирает надежда, (на что надеяться в эти годы, что я опять стану молодым?) происходит катастрофа, нет, не катастрофа, просто безразличие, просто ожидание чего-то... чего-то странного...

А, я верил что живу... что есть моя особая звезда,
И что тягучий верлибр... закружится в волшебстве сна.
И вирши мне как кадетский друг нальет особо...
Свои незрелые стишки... как мудрость без дна.
Миллионы капель дождей,
И разве это весна?!
В бесконечности безликих дней,
Растрочена пустая судьба.
По ком плачут колокола... и черновороны тризны,
Как своеволье упрямости... в потемках поневоле,

Застраjali в немощенных улицах без конца...
Извиваясь в схоластических муках кривизны.

Суррогаты бытия, наподобие жизни,
И бестелесность наивности наития,
И глухой крик исходящий из бездны...

И греховность подзаборного соития,
И небо уходящее в никуда,
И недозрелость плевких зерен,

И бравирующая глупостью гопота...

И это все жизнь... или подобие жизни?

Дома, улицы, телефоны,

Спешка жизни в одышке,

Побеждая дурные марафоны,

Жил... все время в безвоздуший...

Отныне я доверяю жизни, а я ведь только страницу открыл,

Неведомых краях отчизны, отшельник терпеливый жил.

Да и те что с крыльями на спине, и тот гнетущий сброд.

Сложатся отныне и навеки... в странствующий, безликий народ.

А, я в потемках особо не разбираясь... плету жизни нить.

Времена текущие с черноты... заставляют поневоле жить.

А, я ныне негнувшийся... странник плывущий по реке налегке...

И мысли мои глухи... и бренность дня на самом дне.

Именно в тот период, в моей жизни произошло одно очень необычайное, довольно жуткое событие.

И, вот спустя десять лет, я шагаю по пыльной, извилистой тропинке. Хотя по логике события тех лет, душа моя давно должна была отправиться в иной более обширный, или более уютный, приветливый мир, а тело мое уже должно было давно сгнить в недрах любимой земли. Нет, этого не случилось, я здесь. Более того я здоров как никогда, и, как ни странно молод, даже, смешно сказать довольно красив...

Кто истинный я? Тот полуживой, умирающий старик, обитавший на земле десять лет назад, или нынешний я, то есть высокий молодой человек, ньюмен, новый Жан Даулет, который сейчас идет по этому пологому берегу Великого моря?

Вообще, кто такой человек? Тело или душа, или возможно, что-то другое?

Имею ли я право называться Жан Даулетом?

Кто я? Человек? Если не человек то почему остались прежние смятения души, тот же рой удушливых мыслей, которых невозможно отгонять от себя, те же страхи, волнения, тревоги, опасения? Как я хотел бы избавиться от всех мыслей, которые мучили меня.

Но, годы бегущие незаметно уже превратились в безвременье, где нет конца и края, нет и начала, и, тот эфемерный физический мир, перевернувшись, обернулось ко мне тоскливой безмерностью... Возможно, только в ограниченности

пространства и времени таится та сладострастность, и те бушующие страхи, и неизвестность.

Опять я впал в этот мысленный маразм, Я наверное огромный магнит для всевозможной рефлексии, размышлении нужных и ненужных, и поэтому голова у меня всегда нестерпимо болит. Странно даже ставь ньюменом, я не избавился от этой привычки.

Очнувшись, я смотрел в чистое, голубое, с редкими облаками небо, дымчатую даль синего моря. А ведь было так хорошо, и непонятно...

И небо открыть к разговору.
А ватаги легковесных облаков,
Лишь отзвуки вселенского говора,
Где звуки коверкаются во имя,
Доступности изоощренных смыслов.
И, летящие зефиры – не кони небесные,
А всего лишь фонемы косноязычия.
И, язычество, облаченное в доспехи,
Тонут в вязкости обрыдлого беззвучия.
А я радостно выйду на поляну,
Где люди с ангелами поют, любя,
И, значения своим умом добуду я,
Так проще,
Ведь синь глазури выдумал не я.

Я не чувствовал опасности, хотя следующие мгновенья готовили мне кошмары, которые только возможно в тяжелых сновидениях. Я не чувствовал опасности, небо не обволакивали свинцовые тучи. Кругом мир, и разлитая в синеве благодать, тишина, таящиеся в себе страшные угрозы...

Я и Кларисс, медленно шли по пологому склону. Налеву распласталось бескрайнее море. Вокруг росли небольшие островки деревьев, невысокая трава, кустарники. Жаркое солнце, каменистая тропа, бездонное голубое небо с клочками белых пушистых облаков. Ничто не предвещало беды. Кларисс шла метров двести впереди меня.

Вдруг я увидел этих тварей. Кажется, они вышли из маленькой рощи, рядом с которой мы шли. Они были похожи на волков. Но только намного позже я узнал, что они не волки. Эти неразумные, зловещие создания, были творениями злого человеческого гения.

Эта была большая стая, примерно десять, двенадцать животных. Они неслись с огромной скоростью на нас. Стая разделилась на две. Примерно половина побежала в мою сторону, остальные на Кларисс, но, женщина не заметила их, возможно ее разморило полуденное солнце. Я заорал что есть мочи, размахивая руками, показывая на стремглав, несущихся волкообразов. Но она не отреагировала, шла также размеренно, ссутулившись.

– Кларисс, беги к дереву, к дереву, – орал я.

Она вроде обернулась, смотрела на меня, потом на вол-

ков. Я толком не рассмотрел, точнее, в это время, я сам бежал против, волков. Я увидел, на стороне, откуда шли волки большое раскидистое дерево. Только оно могло спасти меня. Надо только добежать до него. И вот, волки, и я бежим навстречу друг другу. Вот, оно, дерево. Я прыгаю, и налету схватываю правой рукой за ветку. Но, не могу обхватывать ногами ствол. С ужасом вижу, что волки, где то метров двадцать от меня. Из моего горла вырывается дикий крик. Страх придает мне силы, и я делаю рывок. Через секунду я вишу на ветке. Благо, ветка оказалась толстой, крепкой. Внизу, у ствола, столпились эти ужасные твари. Стоял невообразимый гвалт. Их завывания, стоны, рычания не похожи на собачьи. Ужасно злые, они дерутся друг с другом, прыгают на ствол, чуть не доставая до моей ноги. Какие они здоровенные. Я оцепенел от страха. Одно неверное движение, и я упаду на этих мерзких тварей, и они за секунду разорвут меня на части. Что делать? Как быть? Я уже не чувствую себя.

Я осторожно освободил левую руку, чуть покачнулся, от ужаса заорал. Мне показалось что, я падаю вниз. Эти твари чуть остановили свою грызню, услышав мой голос, но, потом с удвоенной силой начали облаивать меня. Бешенные какие-то. Вот, схватился левой рукой за ствол, теперь осторожно высвобождаю правую руку, который остался под моим телом. Вижу, одна здоровенная тварина, обхватив лапами ствол, начала карабкаться вверх. И, у него получилось. Еще несколько движения, и он схватит мою ногу. Я заорал, по-

брыкал ногами. Как я охватил двумя руками за ствол, и как пополз вверх, не помню. Только, теперь я стоял на той ветке, на которой, только что висел.

Волкообраз, не удержался, сполз вниз, и как то кубарем свалился на сородичей. Сородичи набросились на него, остервенело. Один вроде укусил его за шею. Позже он отошел от стаи подальше, лежал, сверкая белыми нитями сердечных жилок. И потом подох. Тогда я уже понял, что волкообразы или какие-то искусственные твари, или трансформированные из живых существ монстры.

Я осторожно начал карабкаться вверх. Хорошо, хоть тут веток оказалось побольше. И мне удалось подняться довольно высоко. Я сел на две сросшиеся, здоровенные ветки. Свесив ноги, обнял руками за ствол. Вроде, я в безопасности. Только теперь начал искать Клариссу. Вот, она бедная, лежит чуть в сторону моря, от того места где шла, в ложбине, и ее плохо видно. Только вижу белые жилки сердечного узла. Значит, умерла бедная женщина. Надеюсь, хоть долго не мучилась.

Только теперь осознаю ужас своего положения. Я сижу на дереве, внизу меня ждут десятки клыкастых зверей, готовых в любую минуту разодрать мою плоть на куски. Я дрожу, осознаю идущих от этих тварей мерзкий запах смерти, моей смерти. О, боже, что за дикая ситуация?

Несколько дней назад мы с Кларисс, слышали, что в округе появились какие-то страшные волкоподобные твари, ко-

которые убивают Ньюэнов. Честно говоря, я особо не верил этим рассказням. Обыденность слишком скучна, поэтому ньюэны обычно придумывают время от времени разные страшилки, о монстрах, разбойниках, чудовищах и пр... Обычно все такие рассказы бывают неправдой.

И, вот мы лицом к лицу встретились с этими жуткими тварями. Итог плачевный, нет дикий и ужасный, вечно живущая ньюэнка, моя недавняя спутница Кларисс, отошла в иной мир. А, я жду своей смерти в самом нелепом состоянии...

Волкообразы вроде успокоились, некоторые даже залегли на землю, и только изредка грозно рычали. Время от времени эти твари грызлись между собой, наверное, от избытка энергии или от неутоленной агрессии. Откуда-то вниз упал кусок сломанной ветки. Может я сломал эту ветку. Падающая ветка вызвала у своры, какой-то невообразимый взрыв агрессии. Они бесновались, прыгали, карабкались на дерево, выли и стонали, рычали. Все это было как то неестественно. Нет, они все таки не животные с нормальной реакцией, природным поведением.

Я задумался. Хорошо то, что я солнцеед, и не нуждаюсь биологической пищи. Мое тело впитывает солнечные лучи, и в результате фотосинтеза, преобразовывает ее в пищевой субстрат. Так что пища мне не требуется, у меня даже нет желудка. Конечно, я буду испытывать некоторый дефицит воды. Но, так как морской воздух насыщен парами воды, мое тело всасывая из воздуха водные молекулы без труда

восполнить водный баланс. Представьте, мне даже в туалет не надо ходит. Да, я новый человек – «ньюмэн»; в отличии от обычных людей – «традишн мэнов». И, наше племя постоянно росло, но, сейчас что творится в мире я, честно говоря, не знаю.

Так как я солнцеед, сидя на этом дереве, могу жить бесконечное количество дней, ни в чем не нуждаясь. Но, что за жизнь будет такая тоскливая серая череда дней?, Страхи, что, наконец, я нечаянно упаду вниз, прямо в пасть этих чудовищ. Или какая-нибудь тварина наконец залезет на дерево, чтоб снять меня, брррр...

Может эти твари тоже солнцееды, или что-то вроде того, и они тоже не будут нуждаться в биологической пище. Что тогда? Так и будут сидеть подо мной? И кто отгонит их? Кто меня освободит? Такие же как я, бредущие по всему свету одинокие «ньюмэны»? Вряд ли они отвяжутся со своими палками отгонять этих агрессивных волкообразов. Скорее всего, эти монстры сами сожрут моих спасателей. И, вообще, откуда взялись эти волкообразы? Почему никто раньше не описывал их? Почему только теперь я узнаю, что существуют, какие то волкоподобные злые, земные твари?

Бесконечно тянулось время. Я может быть, впервые осознал, как медленно может течь обыкновенное время. А волкообразы вовсе не собирались покинуть меня. Они также как прежде крутились подо мной, дрались, рычали, отдыхали лежа на траве. Сколько может все это тянуться? И, сколько я

выдержу это напряжение, не сходя с ума?

Вдруг всплыло воспоминание, притом очень смешное. Надо же, или мое сознание так защищается? Ведь смерть вот она, подо мной...

Воспоминание относится к тем временам, когда я еще был традишн мэном, то есть обыкновенным человеком, а не ньюмэном как теперь. Жил и работал тогда я в Париже. Был профессором социологии Восточного Университета.

Запомнился один разговор, который имел место именно в то время... Была у нас преподаватель социальной психологии, некрасивая, сухопарая женщина лет пятидесяти. Худая, и длинная как жердь, она ходила, чуть сутулившись, как бы рывками, забрасывая немного вперед свое тело. Звали ее Изабелл. В то время она постоянно преследовала меня. Чего она хотела, не знаю, или имела виды на меня. Я тяготился от разговоров с ней, но терпел.

Однажды она незаметно подошла ко мне. Я стоял у окна на втором этаже и рассматривал неугомонный рой студентов, которые толпились перед парадной дверью.

– Мсье Жан Даулет, – сказала она, скрипучим голосом, – вот вы где. Это возмутительно, это... это... я не знаю... за гранью разумного.

– Что вы имеете ввиду?

– Ну, эти «ньюмэны», это не только разрушение социальной адаптации человеческой расы к тем условиям существования, к которой мы имеем склонность и привычку, в рам-

ках трехмерного интегрирования в абсолютную, девственную природу бытия, или земной космогонии. И это даже не бытийная осознанность на уровне конвергентного мышления, или ассоциативных алгоритмов, я бы сказала, имманентного существования личности в суровой реальности, а скорее искажение сути тех граней мнимой дозволенности, в рамках которых мы обитаем как гуманоидальный биологический вид.

Я чуть покачнулся, у меня начались слуховые, может даже визуальные галлюцинации от этих заумных, скрученных, непонятных словоизвержения мадмуазель Изабелл. Возможно, она уверилась, что научные работники должны изъясняться именно таким слогом. Или считает, что эта псевдонаучная лексика показывает ум и глубину человека. Раньше я внутренне улыбался стараниям мадмуазель казаться умным, великим мыслителем и ученым. Но, на этот раз меня стошнило. Я в каком-то сомнамбулическом состоянии, смотрел на вечнодвижущий рой, одетых в разнообразные одежды студентов.

– Это только болезненный ум искаженный современными реалиями перевернутого бытийного сознания мог попытаться за усмотренными, заранее оговоренными условностями псевдо существования на релятивистических плоскостях, рассмотреть возможности трансформации личности даже не на уровне души, а именно, как обыкновенного биологического тела. А, мы зашоренные убаюкающими реча-

ми апологетов зла и тьмы, этих современных адептов мрака и ночи, пребываем в относительном благодушии и неведении по отношению к «ньюэнам», хотя в закромах нашего замутненного велеречивыми уверениями, и увещеваниями фарисеев зла, мировосприятия, шевелятся наши страхи, и подозрения, связанные этим относительно новым явлением, называемого нами... – продолжала она.

– Салерсы... фон димакла, – пробормотал я.

– Что вы сказали?

– Я, говорю, наши души закрыты, – сказал я, не зная, что сказать.

– Вот, о чем я и говорю, мсье Жан Даулет, вы правильно уловили моменты нашего беседования, – оживилась мадмуазель Изабелл.

Моя сомнамбула продолжалась. Вспоминались какие-то далекие времена, возможно, мои предыдущие жизни. В памяти всплывали то муторные, то приятные картины какой-то небытийной реальности. Такой реальности, где я существую, и не существую одновременно. Это какое-то сладкое забытьё... Возможно мадмуазель Изабелл, своими неразумными, невнятными речами всколыхнула какие-то пласты моей многострадальной души. Хотелось плакать...

– Вы, понимаете, именно та неликвидность того что они выносят и предлагают обществу, а именно обществу непротивления, или если хотите социуму с адекватным поведением, затормаживает и удивляет своей я бы сказал, не амо-

ральностью, а, незрелостью... а именно, инфантилизмом. Именно тогда, когда мир на грани разорения, на грани краха, когда смешались понятия добра и зла, когда произошло чудовищное преступление в виде паллиативных, я бы сказала дегенеративных расстройств устоявшихся моральных устоев и преград, – продолжала мадмуазель Изабелл.

Мое сомнамбулическое состояние еще более усилилось, это был какой-то вид словесного гипноза. Возможно, мадмуазель Изабелл ничего такого не хотела, может быть, это я сам себя ввел в состояние транса. Мне было хорошо, очень даже хорошо, что захотелось плакать.

– Как вы считаете, мсье Жан Даулет? – спросила она.

– Я не расслышал вопрос. Даже, если расслышал, вряд ли понял бы. Я замешкался, надо было, что-то ответить, хотя бы для приличия.

– Эээ, это возможно каверзы бытия, в рамках тех приличий, – сказал я, в духе самой мадмуазель.

– О, конечно, прекрасный ответ, – я всегда подозревала, что вы гениальный человек, мсье Жан Даулет. Я бы хотела отметить конгениальность наших духовных, душевных устремлении в данном микрокосме...

– Извините, мадмуазель Изабелл, мне надо уходить, – сказал я, очнувшись от сладкого забытья.

– О, мсье Жан Даулет, как мы с вами мило беседовали, – радостно скрипела она. – Ну что же, не смею вас задерживать. Пока. Пока...

Она по-настоящему уверилась, что у нас состоялась глубокая, современная, научная беседа, как бы она выразилась, и в самом деле была очень рада, эта свихнувшаяся, несчастная женщина. О, боже...

А, ведь когда то я написал стихотворение посвященной одной очень прекрасной знакомке, где описывалась, по сути, аналогичная ситуация.

Ты силишься быть умной,
И, это при твоей красоте?!
Пойми! Смысл не в Аристотеле,
А в твоей расцветшей звезде!
Не позволяет мне сказать,
Моя дремучая воспитанность,
Зачем при таких дремучих мозгах,
Такая глубокая начитанность?
Твои губы произносят философемы,
Принимая форму буквы «о».
А мне гребанный дуплет чудиться,
Представь себе, глубоко, глубоко...
Ты кажется засохшая роза
Так ведь я тебя орошу...
Будни сплошь обрыдлая проза.
А я тебя в романтику унесу.
Глубокомыслие оставляю «мученым».
Мне внешний антураж важней,

Снаружи ты девка вполне пригожая,
Мне со стороны видней...

Вспомнив, этот эпизод я рассмеялся, притом громко, волкообразы от удивления и от злости всполошились страшно, залаяли, захрипели, взбеленились, кружились от избытка энергии.

Я опять сжимался от страха, ко всему этому невозможно привыкнуть. Жуть...

Начало темнеть. Я страшно боюсь темноты. Это у меня еще с детства. С наступлением темноты, глаза волкообразов начали гореть, как у настоящих волков. Я даже начал радоваться, что они тут. По крайней мере, я не буду бояться темноты, так как рядом ходят хоть какие-то живые существа.

Время от времени волкообразы попытались вскарабкаться на дерево, один даже повис на самой нижней толстой ветке. Но, потом все-таки свалился. Они были тяжелые, и притом их когти не были приспособлены для лазания по дереву. О, боже, какие же они злобные, агрессивные, и как при такой агрессии до сих пор не сожрали друг друга. Правда, одного из своих они уже убили.

На небе зажглись звезды. Я всматривался вдаль, на тяжелое, темное море. На особенно яркие в эту ночь звезды. Ночной бриз убаюкивал мою исстрадавшую душу. Но время тянулось страшно медленно. О, Создатель, неужели я буду так жить на дереве – вечно! На одиноком дереве.

Эти безмолвные, пустые и стылые пространства, где обитает одинокая душа, где на миллионы километров никого нет, где время сжималось до нуля. Где невозможно вырваться, за эти адские круги, где можно осознать, что величие есть неутоленная жажда жизни. Жуть... и это не страх, потому что бояться все равно бесполезно...

Мысли путались, кажется, я засыпаю, но, нельзя спать, нельзя.

И где то падала звезда, возможно, обрывалась чья-то жизнь...

Падучая звезда ревела,
В далекой раскатистой вышине.
И, сквозь просветы в пространстве,
Ангелы жалостливые летели.
А на Земле жили земляне,
И, был трагически короток их век,
И, плачущая звезда ревела,
Над изломанностью их судеб.
И, страждущие нелепые тени,
Плыли над крохотной планетой.
И земные их никчемные планы,
Обрывались ревущей звездой.

Утром я чуть не свалился с ветки. При этом меня обуял неземной страх. Страх парализовал меня некоторое время.

Как я мог вздремнуть в таком враждебном окружении? Ведь я же включил «дементры» бодрствования. Оправившись, наконец, я сел на свое излюбленное место, и осознал, что кругом уже нет вчерашних тварей. Волкообразы ушли? А, может быть лежат под ближайшими кустами, и отдыхают после бурной ночи? И, как только спущусь с дерева, они набросятся на меня? Солнце начало припекать, на душе стало спокойнее, так хотелось вздремнуть. И, я решил, отключив дementры бодрствования немного поспать.

Проснулся только к полудню. Сидел в сонном состоянии довольно долго. Но, вдруг, как будто спохватившись, начал спускаться с дерева. Волкообразов не было видно. Даже, когда я нарочно начал трясти ветви, они не отреагировали. Значит, их поблизости нет. Они не такие умные, чтоб затаиться и ждать. Если они были поблизости, давно зашумели, залаяли бы и прибежали бы. Но, пока все тихо. Ближайшие кусты находятся на расстоянии метров пятнадцать от дерева. А, до моря, наверное, двести метров. Смогу ли, если что, добежать до моря. Умеют ли волкообразы плавать в воде?

Наконец, я спустился на землю. И, пятясь назад, начал потихоньку идти в сторону моря. По опыту я знал, что если побежишь, собака непременно будет гоняться за тобою. А волкообразы тоже вроде из собачьей породы. И они очень быстро передвигаются, значит бежать бессмысленно. Вдалеке, в неглубокой впадине виднелось тело Клариссы. Я, как спутник ее, наконец, как мужчина должен был предать те-

ло Клариссы в землю, похоронить. Но, беспричинный страх напал на меня. Через мгновение, испугавшись чего-то, я отчаянно бежал в сторону моря, крича, и размахивая руками. С разбегу плюхнулся в объятия воды. Но, сделав несколько шагов, с головой ушел под воду. Оказывается под водой крутой обрыв, под ногами нет тверди. Барахтавшись некоторое время я, наконец, вышел к берегу.

У нас, у ньюмэнов, нет легких. Но, в груди есть воздушные пузыри, которые помогают нам произнести слова.

Я сел на прибрежный песок. Почувствовал, что все мои «дементры» находятся на пределе. Страх и напряжение, довлевшие надо мной последние сутки не прошли даром. Я начал принимать солнечную ванну, чтоб восстановить гелио-энергию, и, постепенно успокоился. «Я же вечное существо, я никогда не умру. Почему я такой напряженный?» спрашивал я себя. «Но, Клариссу-то убили, хоть она тоже была вечным человеком» кричало подсознание. «Да, она умерла, но ее убили внешние силы» мысленно отвечал я. «Вот те самые внешние силы убьют и тебя тоже» не отступало подсознание. «Ладно, пусть убьют, – сдался, я, – Что толку от этой вечной жизни? Одни страдания...». Я долго смотрел на вечный прибой моря. Куда идти?

Впереди меня, на западной стороне лежал довольно высокий холм. Я побрел туда, вечный странник или вечный бомж.

Ступая медленно, я взобрался на вершину холма. К этому холму с другой стороны прилепилась небольшая деревня,

а может быть бывший рыбацкий поселок. Безлюдные места, заброшенный поселок. Я решил спускаться туда. Надо было вооружиться. Я вряд ли одолею, эту взбесившуюся свору, если только они на меня нападут. Нет. Но, железная палка в руках, хотя бы иллюзия защиты...

Я шел вдоль опустевших дворов. Искал что-то железное. Разбитые вырванные «с мясом» окна и двери. Покосившиеся, почерневшие заборы. Хлам. Старье. Старые поржавевшие машины... Я вообще люблю бродить по таким заброшенным местам. И в такие моменты в моей душе рождается щемящая тоска, по каким то давно минувшим временам, звучит музыка, эта ностальгия по чему то неизвестному, неизведанному.

Наверное, я ушел глубоко в себя, так как едва не столкнулся со старухой стоящей перед дверью своего дома. Я обрадовался, значит, кто-то тут есть, какие-то люди здесь живут.

– Здравствуйте – сказал я, как то неуверенно.

Старуха была «традишн мэном», то есть обыкновенным человеком. Она чуть кивнула, как бы здороваясь, потом долго всматривалась в мое лицо своими подслеповатыми, побелевшими от старости глазами, и молчала.

– Вы здесь живете? А тут живут много людей? – сказал я, тяготясь затянувшейся паузой.

– Нет, не много, только всего несколько человек, если не считать таких как ты бродяг, ваших «ньюмэнов». Но,

«ньюмэны» тут не задерживаются, – ответила она, так беспристрастно, что, я даже не обиделся. – а, ты мне поможешь? – Я, а в чем надо помогать?..

Старуха жестом пригласила войти в дом. Я, чуть замешкавшись, вошел в дом. И, оказался в большом холле. Возможно, здесь раньше жила зажиточная семья. На правой стороне широкая лестница, которая вела на второй этаж, огромный деревянный шкаф. На левой половине большие, красивые кухонные шкафы, газовая плита, и широченный, длинный обеденный стол, вокруг которой стояли десятки стульев. Вся мебель сделана из каких-то дорогих пород дерева. И, сделана со вкусом, с орнаментами под старину.

Вдруг, на левой стороне, рядом с входными дверями, я увидел молодого мужчину. Он был высок, красив, атлетически сложен. Был похож на статую Давида, такая же курчавая копна волос, такие же налитые силою, рельефные мышцы. Несмотря на южное жгучее солнце, кожа его была светлая, только едва уловимый синий оттенок, показывал, что этот мужчина «ньюмэн», то есть человек новой породы. Торс мужчины был голый, но, его благородный, гордый вид не сочетался с обветшалым, рваным шортам, надетым на него.

Только когда увидел его шорты, я осознал, что этот мужчина я. Я увидел свое отражение в зеркале. Огромное зеркало у входа, возможно бывшие обитатели этого дома, перед тем как выйти на улицу, осматривали себя в нем.

Мне стало стыдно, и неприятно. Я не знал, что делать, уй-

ти сразу, или остаться.

– У вас не найдется мужской одежды? – спросил я.

Старуха ухмыльнулась, кивком головы показала на большой шкаф с правой стороны.

– Там, посмотри.

Я нерешительно подошел к шкафу. Там валялось много старой, пыльной одежды. Было ясно, что старуха не ухаживает за своим домом. Я начал перебирать одежду. Были и мужские брюки, но, все маленького размера. Наконец, я нашел короткие, широкие, коричневые брюки. Возможно, мужчина, который надевал эти брюки, был невысокого роста, но толстым, брюхатым, как беременная баба, то есть таким, каким был когда-то я.

– Можно, – спросил я.

– Одевай, – коротко сказала старуха, но, не отвернулась, а смотрела прямо на меня.

Чуть постояв, я решился, отвернувшись, снял старые рваные шорты, надел брюки на голое тело. Брюки были короткие, у меня вся голень торчала, под ним. Синтетическая одежда неприятно колола тело. Я опять смотрел на свое отражение. Несмотря на уродливые брюки, я был невероятно красив, атлетичен.

В фильмах такие мужчины играют главных героев – вождей диких племен, или руководителей восстания рабов. Они благородны, мужественны, бесстрашны.

Но, я знаю, что за моей красивой, мужественной внешне-

стью скрывается довольно-таки слабая, хлипкая душа. Я, даже не мог похоронить Клариссу, которая была в течение последних трех месяцев моей подругой. Волкообразов боялся, видите ли...

Старуха опять ухмыльнулась. Потом указала на маленький шкаф, который валялся на полу. Рядом лежала разная разбитая посуда. Наверное, с этого шкафа.

– Вот, этот шкаф, надо бы поставить на свое место. Да, я за дверцу ухватилась, и тащила вниз, – разговорилась она – хорошо, хоть сама живая осталась.

Я подошел к шкафу. Не без труда поднял его. Встав на стул, поставил его на место. Только тогда я заметил фотографии, засунутые за стеклянной дверцей нижнего буфета. Их было много. Я вздрогнул, меня как будто током ударили.

Я увидел ее. Это была она. Она семнадцатилетняя, воздушная, невероятно красивая, Мэрилин. Ее экзальтированные родители, поклонники знаменитой звезды, назвали свою дочь именем Мэрилин Монро – Мэрилин.

Мэрилин... Сколько ночей я не спал из-за нее, какие муки терпел. Как только я не убил себя? Возможно, не хватало смелости, чтоб наложить на себя руки. Эта была мучительная, безответная любовь. Жили мы тогда в городке Блуане. Это был замкнутый мир. И, Мэрилин мечтала вырваться в большой мир, она хотела жить в Париже. Я тоже хотел уехать в какой-нибудь большой город. Я готов был уехать вместе с Мэрилин в Париж. Но получил жестокий отпор. То-

гда мы учились вместе с Мэрилин в классическом лицее.

– Знаешь что, – сказала она, – не бегай больше за мной, я тебя не люблю. Не могу терпеть тебя, ты страшно раздражаешь меня. Отстань короче! Ладно.

У нее был такой жесткий, хлесткий характер. Но, какой удар по моей нежной, робкой душе.

...Лет через десять я встретил ее, в том самом Париже. Она была еще очень красивая, но немного потолстевшая, постаревшая. Я не знаю, сколько у нее было сексуальных партнеров за это время. Полагаю, весьма внушительное количество. Она стала весьма многоопытной дамой. Стреляный воробей, короче. Да, я сам не был ангелом.

Она постоянно приходила ко мне. Я чувствовал, что она хочет прибрать меня в свои руки. Возможно, та разнообразная жизнь, которая она вела до тех пор, порядком надоела ей. Короче, ей был нужен тихий, послушный, перспективный муж, который бы ее обожал. Но, я уже был другим.

Пока, я ее не встретил, я очень любил ее, Все девушки, которых встречал до тех пор, мне казались, не годятся даже в подметки, Мэрилин. Моей возвышенной, ангелоподобной Мэрилин. Но, когда увидел ее, поднаторевшую, весьма наглую особу, претендующую на роль ангелоподобную Мэрилин, я был сильно разочарован.

Возвышенная любовь куда-то улетучилась. Я хотел поскорее избавиться от нее. Она однажды ночевала у меня дома, под каким-то предлогом. Ночью, она подошла к моей посте-

ли, обнимала меня. Я встал, оделся и ушел из дома. Долго бродил по ночному Парижу. Благо, было лето, было тепло. Я провел ночь в маленьком отеле, рядом с моим домом. После этого она оставила меня в покое. Потом, я из третьих лиц узнал, что Мэрилин вышла замуж, и уехала в какую-то глухомань.

И, вот, ее фотографии, в различных позах. Улыбающаяся, хмурившаяся, наглая, веселая, но, Мэрилин, именно, семнадцатилетняя, воздушная Мэрилин.

Неужели мы влюбляемся в образ, а не в человека? Почему именно, в красивого, а некрасивый что, недостойн любви?

– Пожалуйста, не скушай мой хлеб, я его еле достала, – сказала старуха, – ты знаешь, как трудно достать еду. Вы, «ньюмэны» разрушили всю страну. Ничего уже нету, ни одежды, ни еды, Везде развал, нет госпиталей, негде лечиться. Нет магазинов, негде купить еды, одежду, Вы что творите, а? Просто зла не хватает, о, Господи!

Голос старухи вывел меня из раздумий.

– Нет, не съем. Разве вы не знаете, что ньюмэны не кушают, – ответил я. – Скажите, а вот эти фотографии, я имею в виду, фотографии Мэрилин. Откуда они у вас?

– А, ты ее знаешь?

– Да, когда то вместе учились в классическом лицее, в Блуане.

– Ты кто?

– Я, я, когда я был «традишн мэном» меня звали Жан Дау-

лет.

– Жан Даулет,?

– Да, Жан Даулет?

– Неужели? Жан Даулет, Это ты, да?

– Да, я Жан Даулет, а, вы, вы кто?

– Неужели я так сильно изменилась?

– Мэрилин...?!

– Да, это я!

– О, боже, нет! – вырвалось, у меня.

О, боже, только не это. Эта отвратительная, мерзкая старуха моя Мэрилин. Воздушная, ангелоподобная Мэрилин. Не может быть!!! Нет!!! Нет!!!

Передо мною стояла древняя старуха. Дряблая морщинистая кожа ее лица, покрылась местами большими размазанными старческими пятнами и коричневыми бородавками. Подбородок уменьшился, и челюсти ушли под верхнюю губу. С двух сторон губ как серьги висели, большие мясистые складки. На верхних губах, под крючковатым носом, явно виднелись черные усики. Довершали картину седые, редкие волосы, сквозь которые виднелись, розовые плешины.

О, Природа, зачем ты так издеваешься над человеком? Зачем так изуродовать человека под старость? И, вдобавок старческая немощь, болезни, За что человек расплачивается таким телесным уродством? Неужели нельзя сохранить до глубокой старости хотя бы приличный вид?

– А, что, в самом деле, не узнал меня? – сказала старуха,

потом, как то сиротливо озиралась вокруг. Наверное, искала зеркало.

Я, ошеломленный, потерявший дар речи, стоял рядом с буфетом, с дверцы которого смотрела на меня юная, веселая Мэрилин.

– Не верю, – произнесла старуха, – все равно не верю. Я слышала, что «ньюмэны» могут менять внешность. Но, не до такой же степени. Ты, такой молодой красавец, высокий, стройный, Жан Даулет.

– Да, эта я, Жан Даулет.

– Ну, тогда, тогда, хоть скажи, кто были в том лицее? Подружку мою, помнишь, Инессу.

– Инессу Бертран...?

– Да. Неужели, ты...?

Вопрос старухи повис в воздухе, она ошеломленная, с открытым ртом, удивленно смотрела на меня. Мне не хотелось разговаривать с этой несчастной старой женщиной. Она была вовсе не Мэрилин, а какая-то чужая, неприятная особа, от которой мне хотелось поскорее избавиться.

– А, в лицее ты был, таким невзрачным, таким противным. Я, особенно ненавидела твой маслянистый взгляд. А, сейчас ты... ты похож, – старуха, остановилась, на полуслове, она вдруг увидела себя в зеркале.

Что она подумала, не знаю. Я хотел попрощаться и уйти. Но, не знал, как это делать. Ноги у меня как будто срослись с землей. И, я молчал.

– А, потом, помнишь в Париже? Ты уже был писателем, поэтом, работал в университете. Я даже в одно время собралась выйти замуж за тебя, – засмеялась старуха.

– Простите, до свидания, мэм, прощайте, – сказал я, собравшись духом. – можете меня не провожать.

Я развернулся, и молча вышел. Я был потрясен, это был невероятный шок.

Ведь для меня она была образом любви, неземной божественной сущностью. Даже 27 летний Мэрилин, которую я встретил в Париже, не разрушила тот чистый, непорочный юный образ любви, которая жила в моей душе всегда. Она в Париже, хотя являлась много выдавшей, опытной женщиной, но, была все также ослепительна, красива, обворожительна! Была настоящей светской львицей, которая как, только появившись в обществе, обращала на себя внимание всех присутствующих.

И, под конец видеть ее в таком жалком виде, это выше моих сил...

Я, наверное, вел себя неподобающим образом. Мэрилин слабым голосом произнесла за мной:

– Куда, ты? Жан Даулет, не уходи. Я же с тобой поговорить толком не успела, я, могла бы угостить тебя чаем, у меня есть, где то заварка.

Я побрел дальше, «Почему она не подверглась акту трансформации? – думал я. – Ведь красивее чем она, на земле де-вушки не было».

Чуть позже, я встретил двух «ньюэнов» на противоположной стороне улицы. Мы обменивались, тревожными, недоверчивыми взглядами. Потом, я увидел «традишн мэна», то есть обычного человека, копающегося на своем огороде. Как полагается «традишн мэнам», он был старым. Последние пять лет я не видел молодого «традишн мэна».

Я завернул в довольно широкую улицу. Возможно, эта была главная улица поселка. «А, если бы Мэрилин трансформировалась, и сейчас ты вместо старухи, увидел молодую особу, в которую когда то был страстно влюблен, то что сделал бы?» спрашивал я себя.

Вдруг меня осенило, я понял, какой гадкий поступок сделал только что. «Что такое внешность? Ты сам лет десять назад был низкорослым, кривоногим, толстым, некрасивым старым человеком, с одутловатым, нездоровым лицом, покрытыми красными пятнами, А, то, что ты при помощи трансформации сделал себе красивое тело... ничего не значит. Внутри ты остался таким же трусоватым, хитрым, жалким подонком, каким раньше был» орало на меня, мое подсознание.

«Да, не внешность важна, ведь в любом теле, внутри горит божественный огонь, – соглашался я, – да, я поступил мерзко, мне надо было поговорить с ней, может она давно ни с кем не общалась», Раскаявшись, я готов был, развернуться, и искать ее дом.

В тот момент я услышал, омерзительный вой. Это выли

волкообразы, их голоса ничем не спутаешь. Внутри у меня похолодало, мои дементры взвыли, я был в панике. Пошарив глазами, я увидел, обшарпанное, двухэтажное, заброшенное здание.

Я ворвался в здание, и оказался в большом просторном холле. Обрывки газет, толстый слой пыли, куски мебели, строительного мусора. Я бегом поднялся на второй этаж, та же картина. Только здесь тянулся длинный коридор, по обе стороны, которой находились бесчисленные количества дверей. Я дернул за ручки нескольких дверей, но, они не открывались. Наконец, одна дверь открылась, и я вошел в большую комнату с высоким потолком. Напротив, находился выход на балкон. Закрыв дверь, я судорожно начал искать в куче строительного мусора какой-нибудь кусок железа, чтоб засунуть его под ручку, и тем самым запереться наглухо. Мне не приходило в голову, что волкообразы не имеют рук, и не могут тянуть двери на себя. Наконец, я нашел какую-то железку, засунул под ручку двери, только затем, немного успокоился. Теперь осталось укрепить балкон. Как только я вышел на балкон увидел их. Эти волкообразы скорее были похожи на гиен, чем на волков. Но, они такие же шумливые, сверхагрессивные, какими были вчерашние твари.

Увидев меня, свора залаяла, завывала, застонала. Осознав, что эти твари никак не доберутся до балкона, если только не будут прыгать с крыши, или с соседнего балкона, я немно-

го успокоился. Начал внимательно осматривать их, внешний вид этих зверей был жутким и отвратительным. Или мне показалось с перепугу. Коричневые продолговатые пятна, на грязной шкуре, куцый зад, круглые торчащие уши, короткий хвост, пена у рта, бррр...

Но, вдруг животные побежали к входной двери и с шумом, ворвались внутрь здания. Я в панике бросился в комнату, закрыл двери балкона на щеколду. Дрожащими руками начал обшаривать мусор в углу, в надежде найти, что-нибудь похожее на оружие. Я нашел железную толстую арматуру длиной примерно полметра. Немного успокоившись, сел на деревянную тахту.

Волкообразы бегали по коридору, громко выли, стонали от неутоленной агрессии, временами огрызались между собой. Дрожь моего тела не унималась, я не смог как то успокоить себя. Только повторял, «они не смогут войти, они все равно не смогут войти...». Побегав по коридору, и убедившись, что не смогут меня достать, волкообразы вышли из здания, постепенно их голоса удалялись. Но, я еще долго не посмел выйти на балкон.

После того как волкообразы ушли, я начал осматривать комнату в которой по воле случая оказался. Комната была большая, светлая, с высоким лепным потолком. Возможно, последними здесь жили строители-ремонтники, в углу возвышалась огромная куча строительного мусора. Куски деревянных брусьев, арматур, отрезки труб различной дли-

ны, и большая куча белого гипса, остатки разбитого стекла. На правой стороне стояла небольшая тахта-кровать. А, около двери деревянный шкаф.

Я растянулся на тахте-кровати, глядел в грязный, обрызганный потолок. В такие моменты я обычно вспоминал те роковые дни, когда жизнь моя жизнь перевернулась верх дном. Я потом называл те дни «Последними днями Помпеи!».

И так, последние дни Помпеи... то есть последние дни, когда я еще был «традишн мэном», или обычным человеком, как все.

Это было ровно десять лет назад. Жил и работал тогда я в Париже. Был профессором социологии, уже опубликовал более тридцати книг. Писал я и стихи, и романы. Были у меня и научные труды. объездил почти весь мир. Был обеспеченным человеком. Жена ушла от меня, точнее она жила отдельно. Но, мы не развелись официально. Оставленные жены не тени прошлого, и не тонут они в толще воспоминаний...

Жить мне стало проще,
А ведь мы, по сути, не расстались,
Тебе керосинку... с лязгами...
А, мне свечи достались.
Мы поделили мир пополам,
Тебе сбруя историческая,
А мне танки и пушки,

Потому что я мужчина!
Тебе луна в подлунном мире,
А мне немеркнувший свет!
Истираем мы еще подошвы,
В тех Вселенных,
где вообще нас нет!
Хорошо, что мы расстались,
Пошли по разным тропам,
И в глухомани
неизведанных ристалищ,
Построим каждый свой вигвам!

Единственная дочка жила в Америке. Дочка иногда звонила мне, шумно и неестественно интересовалась моим здоровьем, делами. Я точно также шумно и неестественно интересовался ее здоровьем, и ее делами, и в конце разговора причмокивал по телефону ее в щеку. Что это было, родственные связи?

Когда мы с женой вместе жили, много ругались и ссорились. Но, постепенно потеряли интерес друг-другу. Она купила квартиру в другом конце города, переехала туда, и, совсем не звонила мне, абсолютно не интересовалась мною. Я пару раз ездил в ее новую квартиру. Но, всегда чувствовал, что она тяготится мною, и, хочет чтоб я поскорее убрался. У нее уже были другие интересы, новые друзья.

Потом, я тоже перестал звонить жене. И мы потеряли друг

друга, последний год мы вообще не виделись, и не разговаривали даже по телефону. Только через дочку я знал, что она жива и благоденствует. Бог с ней, как говорится.

У меня была квартира в центре города. Старый дом, высокие лепные потолки, узкие продолговатые окна и двери, старинная дубовая, и с красного дерева мебель, которой я гордился безмерно, они нравились мне. Я люблю все естественное, природное.

Большие комнаты. И, еще была прислуга, миссис Гранта женщина пятидесяти лет. Приличная, воспитанная особа. Она готовила мне, и оставляла еду на кухне, чтоб я мог кушать, когда захочу, Гладила одежду, убирала квартиру. Вообще, каких-то бытовых неудобств, я не ощущал. Миссис Гранта обычно уходила домой в пять часов. Но, временами еще забавляла меня разговорами, если я заставал ее дома.

– Знаете мсье Жан Даулет, сын моей лучшей подруги мадам Эшлен сделался «ньюмэном». Это так забавно.

– «Ньюмэн». А, кто они такие?

– Это когда люди не кушают вообще.

– В смысле не есть никакой пищи?

– Да.

– Солцееды значит.

– Что вы сказали?

– Солцееды говорю. Это такая категория людей, которые вообще не питаются. А, кормятся лучами солнца.

– Да, возможно это так. Но, знаете, что самое ужасное,

у него, то есть у сына подруги вроде полностью удалили пищеварительную систему.

– Да, что вы говорите, – оживился я, – это невероятно.

– Да, так и есть, он не кушает, не пьет. Ну, не знаю, возможно, еще не курит. А, еще говорят, что они, эти «ньюмэны»... смогут заново построить собственное тело.

– Не понял, что вы сказали?

– Построят свое собственное тело. В общем, так, если допустим, вам не нравится ваше тело, я не вас имею в виду господин профессор.

– Да, понимаю, дальше?..

– Если вам не нравится ваше тело, вы по вашему усмотрению можете менять тело. Ну, чтоб оно вам нравилось. То есть, на такое – которого, вы бы хотели.

– Вот как... забавно.

– И, еще знаете что? Он вообще перестал работать.

– Не понял?

– Ну, этот сын моей подруги, я имею в виду. Так, он сейчас говорят, не работает вообще, из принципа.

– Не хочет работать что ли?

– Представьте, работа ему не нужна!

– Как это работа не нужна?

– Ну, понимаете, зачем работает человек?

– Чтоб заработать на жизнь.

– Вот, именно, А, деньги ему не нужны. Имею в виду, этим «ньюмэнам» деньги вообще не нужны.

– Вот, как!

– Да, потому что, ради чего нам нужны деньги? Ну, чтоб купить еду, одежду, и так далее. А, «ньюмэну» не нужна еда, он вообще не ест.

– Это понятно, а, как насчет одежды?

– Одежда? Даже не знаю, может, одежда тоже не нужна.

– Ну, а где человек будет жить? Квартира, помещение, отель, везде надо платить.

– Вы, правы, честно говоря, на этот счет у меня нет сведения, возможно, каким-то образом обходятся без одежды и жилья.

– Понятно.

Честно говоря, я не придавал особого значения этому разговору. Тем более, миссис Гранта вскоре ушла, а я остался один. Ночью я обычно остаюсь один... О, как я не люблю ночь! Это самая противная часть суток, меня как всегда мучает жуткая бессонница, я выпиваю море вина, чтоб как то заснуть. Утром начинается кошмар, я должен вытащить себя с постели. Умыться, и идти на работу. Я, обычно бываю по утрам разбитым, усталым после бессонной ночи. А мне еще лекцию надо читать, общаться со студентами и коллегами. Кошмарное время. Жуткие одиночные вечера, когда я усталый безмерно, лежу на диване, распластавшись, и, у меня даже, нет сил идти в туалет, я весь в болях и страданиях... Жуткое время.

Дни текли неспешно, Хотя, внешне у меня все вроде бла-

гополучно. Я довольно известный в узких кругах человек, к мнению которого прислушиваются. Высокое жалование, гонорары от опубликованных, и перепечатанных книг и статей, довольно внушительная сумма в полтора миллиона евро в банке.

Но, временами подкатывала жалость к себе. Где то в подсознании тлело, мысль о самоубийстве. Хотя, я по своей трусливой натуре вряд ли смог бы убить себя. Для самоубийства нужен определенный уровень храбрости, самоубийцы храбрые люди, а не жалкие трусы, которые боятся жить.

Временами приходили бесформенные мысли о цели жизни, о бренности бытия, о том для чего я родился. Я их безжалостно отгонял от себя. Я знал, что если начну копать в себе, то открою в себе такие непотребные, вонючие залежи.

Меня мучила некая незавершенность моей жизни. Некая искусственность, быстротечность, иллюзорность ее. Что-то самое важное отсутствовало в ней, как будто я не сделал самого главного, ради которого пришел в этот мир. Все что сделал, было не то, как будто я ушел с моей главной дороги, пошел по кривым переулкам, ведущим в никуда.

Но придет точка отсчета, ты должен покончить с этим миром, страшно, тщетно пытаться, где-то искать смысл, его нет, и не будет. Все твои мысли по существу пустые, ни о чем. Мир живет, будет жить и без тебя, твои мучения ни к чему.

Я перестал сопротивляться, пусть течет все как есть,

Тем временем, количество ньюэнов по всему миру рос-

ло. Появились они и в Париже, несмотря на то, что французское правительство запретило строить во Франции фабрики по трансформации человека. Ньюмэны были высокие, красивые, еще бы, они ведь сами строили свое тело. Это была невероятная победа человека над природой. Теперь можно не только довольствоваться подаренной природой телом, а сделать себе именно ту внешность, которая тебе нравится, о которой мечтаешь, которую ты сам хочешь.

Раньше миллионы людей по всему миру мечтали изменить свое тело, свою внешность. Жители более обеспеченных стран страдали от лишнего веса. Они не могли перебороть свой аппетит. С каждым днем с тревогой смотрели на весы. Но, еда заменяла им другие удовольствия жизни. Еда была, в какой то мере, суррогатом счастья, которого эти неудовлетворенные жизнью люди жаждали. Но, еда разрушала их организм. Расплывшиеся формы тела смотрелись ужасно. «Мешок жира», «Жиртрест», «Скоро лопнет от жира»... как обидно! Как несправедлива природа? Зачем так мучить людей? Они в чем-то виноваты, кроме жажды счастья и удовольствия? И, вчерашние красавицы шли по улицам, нагруженные многими килограммами ненужного, даже противного жира.

Другие были некрасивы от природы. И, возникает вопрос, почему и кто делает некрасивых, и даже уродливых людей вроде меня? Природа? Бог? И, почему для человека так важна внешняя красота? Почему ежедневно по всему земному

шару тратится миллиарды долларов, для разной косметики, всяких там омолаживающих, и прочих процедур, делающих людей красивыми? За что наказана некрасивая девушка или женщина, или допустим, страшно комплексующий, но скрывающий все это от внешнего мира прыщавый молодой человек. И вот некрасивые с завистью смотрят на красивых от природы людей.

Красота, великолепная внешность, высокий рост, крепкое спортивное телосложение. Теперь это уже не была пустой мечтой, достаточно было идти в лабораторию по трансформации человека, пройти через процедуру перевоплощения. И, вот тебе, создай себе свое тело по своему усмотрению, тот рост, тот вес, те цвета кожи, ту внешность какую хочешь.

По всему миру с невероятной скоростью умножились центры перевоплощения и трансформации. Это был очень прибыльный бизнес – переделка человека, Почти каждый день тысячи, тысячи людей ложились в конвейеры перекодировки и перевоплощения, Процедура была вроде безболезненная, По телевидению выступали счастливчики уже превращенные в «ньюмэны». Интернет был полон сведениями о переделке тела. Умножавшиеся по всему миру с невероятной скоростью предприятия по переделке человеческого тела, назывались везде по разному: «Центры перевоплощения и трансформации»; «Фабрики по трансформации человека»; «Лабораторий перекодировки»; «Пункты переделки и перерождения» даже, «Предприятия нового дизайна человеческого

тела».

Но, постепенно появилось емкое краткое слово «трансформинг». Очень удобное слово. «Ты не хочешь сделать себе трансформинг? Она оказывается уже прошла через трансформинг, в соседнем городе открылся трансформинг...»

Услуга это постепенно дешеvelа и совершенствовалась. Были маленькие лаборатории, где в день трансформировались несколько человек. Были огромные предприятия, где каждый день десятки тысяч человек стали обладателями нового тела.

Я тоже с завистью смотрел на этих счастливицков, их кожа имела чуть синеватый оттенок, а в остальном «ньюмэна» трудно было отличить от обычных людей. Красивые, высокие, молодые, гордые, они шагали по планете со счастливой улыбкой. Уже два года фабрики по всему миру выпускали миллионы новых, доселе невиданных людей.

Наконец, я решился. Я, даже не звонил в университет, в котором работал, не предупредил. Сел в поезд, поехал в Бельгию. Шел по улицам старого города, спрашивал людей. Люди охотно разъясняли, показывали путь. И, я нашел, нашел центр трансформации, вот, оно неказистое трехэтажное здание. А, я представлял себе все это по другому, что будет сверкающее современное огромное предприятие. А, тут старинное здание с небольшой вывеской у двери.

В холле сидел мужчина охранник. По его указанию я поднимался на второй этаж. Меня принял молодой мужчина лет

тридцати, лысый, очкастый, с надменным выражением лица. Внимательно выслушал с тем же холодным выражением.

– В первую очередь предупреждаю вас мистер, – сказал он, потом роясь в бумагах начал искать мою фамилию, которую записал в какую-то бумагу, когда я пришел.

– Жан Даулет, Жан Даулет, – подсказал я.

– Извините, мсье Жан Даулет, Наша лаборатория не дает вам никаких гарантий. Все риски вы должны взять на себя. Только на таких условиях мы можем приступить к перевоплощению вашего тела, – произнес он.

– Как, так? Это же отработанная технология. Через трансформацию прошли уже миллионы людей, – удивился я.

– Вы в самом деле не знаете? Во всех фабриках трансформации, во всем мире, вас обслужат только в том случае если всевозможные риски возьмете на себя, – холодным тоном сказал, этот невозмутимый человек.

– Разве существуют какие-то риски?

– Все может быть. Организм человека, тонкая штука.

– Ну, а как же, те миллионы, которые уже превратились в ньюмэнов.

– Они тоже рисковали, – невозмутимый человек пожал плечами.

Так, чем же я рискую, что я могу потерять? Жизнь? Здоровье?! Здоровья уже нет. Сплошные боли, жуткая бессонница, тяжелое, болезненное, некрасивое тело. Жизнь? Насколько эта жизнь мне нужна? Могу ли назвать жизнью, это

беспросветное существование. Где перспектива? Что я жду от будущего? Денег? Женщин? Удовольствия? Наконец, счастья? Не знаю, я совсем запутался. Все эти вопросы были без ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.